

Ю.В. Бучатская

РОТТВАЙЛЬСКИЙ ФАСНЕТ (ROTTWEILER FASNET). ЭКСПЕДИЦИОННАЯ ПОЕЗДКА В РОТТВАЙЛЬ 2010 г.

Объект полевого исследования: город и его праздник

Город Роттвайль с точки зрения статистики — малое городское поселение с населением 25 тыс. жителей, расположенное на р. Некар в федеральной земле Баден-Вюртемберг. В нашей стране этот город условно известен лишь в связи с популярной породой собак ротвейлер, о чем в четырех строчках сообщает русская версия «Википедии». Русскоязычные поисковые программы Интернета продемонстрировали, что в основном с городом Роттвайль у российского пользователя ассоциируются два символа — порода ротвейлер и патроны “Rottweil Tiger” [URL: <http://yandex.ru/images/search?text=роттвайль>]. Между тем в самой Германии, а также в западноевропейских странах город Роттвайль неразрывно связан с швабско-алеманским фаснетом — региональной формой карнавала — и является своеобразным символом родины для жителей Баден-Вюртемберга. В немецкоязычной этнографической литературе швабско-алеманский фаснет давно стал объектом исследования, его происхождение, развитие, структура и корни, а также влияние на конституирование локальной идентичности оказывались в фокусе исторических и этнографических изучений [Metzger 1996; Schicht 2003]. Роттвайль и его праздник фаснет являются желанной туристической целью и хорошо разрекламированным брендом.

Роттвайль — бывший имперский город (*Reichsstadt*), то есть самостоятельный город в составе Священной Римской империи, не входивший в состав какого-либо княжества. Считается, что такие города всегда находились на особом положении, потому что подчинялись не князю, а непосредственно императору. Этот исторический факт пробуждает и в современных жителях бывших имперских городов осознание своей исключительности. В имперском городе Роттвайль существует многовековая традиция уникальной формы

фаснета, упоминания об этом празднике встречались уже в источниках XVI в. Однако развитие иных городов в качестве промышленных центров немецких земель в XIX в. привело к упадку городской жизни в Роттвайле. И к концу XIX столетия фаснет Роттвайля в его пышном имперском обличи находился на пороге забвения, так как в это время политический и сатирический карнавал образца западных прусских провинций вошел в моду и распространился на вюртембергский город Роттвайль в том числе.

Однако в начале XX в. произошло событие, изменившее судьбу праздника, а вместе с ним — и города. В 1903 г. жители Роттвайля основали цеховое общество шутов (нем. *die Narrenzunft*), которое отныне занималось воссозданием пышной церемонии праздника фаснет времени расцвета имперского города Роттвайля. С этого момента фаснет продолжает праздноваться; более того: праздник способствовал небывалой популярности города в международном масштабе. В середине 1970-х годов Роттвайль называли «столицей швабско-алеманской шутовской провинции», «оплотом исторической масленицы в Германии», «одним из красивейших примеров празднования народной масленицы в европейском пространстве». Город стал желанной целью туристов и в настоящее время живет исключительно за счет праздника, поскольку большая часть инфраструктур Роттвайля в течение всего года вовлечена в подготовку, оформление и проведение двухдневного фаснета.

Роттвайльский фаснет празднуется два дня — в понедельник (*Fasnetsmontag*) и вторник (*Fastnetsdienstag*), что по времени совпадает с масленично-карнавальными неделями в католическом мире. Официально открываются торжества в воскресенье незадолго до полудня: на улице перед исторической ратушей цеховое общество шутов провозглашает переход власти в городе к шутам. По городу в это время ходят глашатаи с колоколами и информируют горожан о начале фаснета. После прокламации шутовского правления по центральным улицам старого города начинается костюмированное шествие детей и молодых людей в костюмах паяцев, которые входят в старый город традиционно через Черные ворота городской стены, от которых через весь город проходит Главная улица. Эти ряженые называются «семенами шутов», считается, что роль «семян шутов» является необходимым этапом, своеобразным экзаменом перед

вступлением в шутовское цеховое объединение и переходом в престижную категорию роттвайльского шута. Костюм «шутовских семян» представляет собой широкий комбинезон, половина которого сшита из материи желтого, половина — из материи черного цвета. Костюм дополняет пышный белый воротник арлекина и высокий желтый колпак с черным и желтым помпонами.

Основное действие праздника фаснет начинается в понедельник в 8 утра. Важным его элементом служит колокольный звон, выполняющий знаковую функцию и ассоциирующийся в Роттвайле с началом шествия шутов *Narrensprung*. Это название процессии — «шутовской прыжок» — происходит от характерной манеры передвижения участников процессии, а именно попеременного подпрыгивания то на правой, то на левой ноге. Участники процессии также входят в ареал праздника через Черные ворота и движутся в двух направлениях по центральным улицам — с запада на восток по Хауптштрассе (*Hauptstraße*) и с юга на север по *Hochbrücktorstraße*. При этом движение процессии сопровождается маршем (*Rottweiler Narrenmarsch*) в исполнении духового оркестра. В понедельник проводится только одна процессия, во вторник — еще две: также в 8 утра, а затем в 14 часов. Процессия имеет масштабный характер — в ней участвуют от 3000 до 5000 ряженных в исторических или сшитых по их образцу костюмах разных типов.

Примеров нового открытия забытых праздничных форм, или переизобретения традиции, по Хобсбауму, в современной Германии много. Роттвайльский фаснет представляет собой ярчайший пример, хорошо проанализированный в современной антропологической науке [Schicht 2003]. Для меня феномен роттвайльского фаснета представлял интерес не только в силу сравнения с франконскими карнавальными формами, но прежде всего в аспекте возможных аналогий с развитием новой праздничной традиции Зандкервы в городе Бамберг, чему было посвящено мое основное исследование в тогдашнем стационаре.

Именно поэтому я сочла необходимым осуществить в феврале 2010 г. двухдневную поездку на юго-запад Германии, в г. Роттвайль, для наблюдений в городе во время праздника и подробного описа-

ния центрального действия фаснета — шествия Narrensprung (нем. прыжок шутов)¹.

Поездка в Роттвайль

Сама поездка представляла собой экспедицию внутри экспедиции, поскольку стационарировалась я в Бамберге. Организационно-бытовые моменты такой поездки в благоустроенной Германии не представляют сложности — до города можно добраться поездами **Deutsche Bahn**, а переночевать — в любом пансионе или отеле, заказав его предварительно через систему бронирования. Личных связей в городе у меня не было.

Мое знакомство с городом началось накануне праздника сразу после прибытия вечерним поездом. Оказалось, что пансион, который я выбрала себе из соображений экономии, находился в двух километрах от северной окраины города, тогда как вокзал расположен на южной окраине. Я пошла пешком — не только потому, что в это позднее время общественный транспорт уже не ходил, а на такси не хотелось тратить деньги, но и из профессиональных соображений наблюдателя. Таким образом, мой путь лежал через центральные улицы и составил около 5 км.

Старый Роттвайль состоит из похожих друг на друга четырех- и пятиэтажных домов с эркерами, стены домов оштукатурены и покрашены в разные цвета: зеленый, желтый, оранжевый, голубой, темно-красный. На многих домах укреплены или нарисованы цеховые гербы. Старый город окружает крепостная стена с хорошо сохранившимися башнями и городскими воротами, через которые ныне проходят центральные улицы. Роттвайль лежит на высоком берегу Некара, река извивается в глубокой долине, в которую открывается вид с крепостной стены и мостов. Таким образом, природное окружение очень живописно, а сам город производит впечатление уютного картинного или даже вполне сказочного городка. Это впечатление я упоминаю не случайно: оно, а также сам ландшафт

¹ Статья базируется на полевом дневнике автора: Бучатская Ю.В. Экспедиционная поездка в Германию (Бамберг, Майнц, Роттвайль) 6–28 февраля 2010 г. // АМАЭ. К-1. Оп. 2. № 1964.

и городское пространство служат визуальным и эмоциональным обрамлением феномена «роттвайльский фаснет».

В это позднее время улицы старого города были почти пусты, но в кабачках и рестораниках было много людей в карнавальных костюмах, и всюду отмечались карнавальные пирушки, некоторые компании толпились на улицах возле входа в кабачки, курили, были явно подвыпившие. Это были первые роттвайльцы, с которыми пришлось установить контакт. Видимо, было заметно, что я не здешняя, но и на обычных туристов не походила: одна, ночью, с небольшим рюкзаком и с растерянно ищущим взглядом. Поэтому женщины из одной такой компании сами обратились ко мне с вопросом, что я ищу. Отмечу, что общение было на местном говоре и на «ты». Адрес пансиона был женщинам незнаком, и следующий вопрос был таким: “*Wie heißen denn die Leute?*” («Как фамилия людей?»). Когда я наконец пришла в 23.00 к дому, где мне предстояло ночевать, он был закрыт на ночь, и пришлось звонить по обозначенному внизу телефону хозяина. Открыв дверь, слегка заспанный пожилой мужчина ужаснулся, что от вокзала я шла пешком (в темноте и в мороз –9), и укорил меня, что не набрала его номер сразу — он бы встретил меня на машине. Этот эпизод, а также наш короткий разговор в старом городе был хорошей иллюстрацией сходства сообщества малого города с сельской общиной, узости социальных сетей, близости людей друг другу (интимное «ты» с незнакомцем; услуга постояльцу в свое личное время). Эти особенности проявились и далее в различных моментах моего опыта наблюдений в Роттвайле.

Итак, к 8 утра во вторник я отправилась с заснеженной окраины Роттвайля в старый город для участия и наблюдения двух этапов праздничной процессии. Уже при въезде в город сразу за дорожным знаком, обозначающим населенный пункт, установлен предупреждающий знак с надписью следующего содержания: “*Narrentreiberei. Langsam fahren!*” («Шутовские игрища. Ехать медленно!»). Дорога абсолютно пустынна, при этом из города уже доносятся звуки труб и оркестра — играют шутовской марш. Перехожу через виадук над Некаром, за ним начинаются старые цветные дома города, одна сторона которых образует улицу, а другая обрывается в долину, фундаменты переходят в крепостную стену и далее — в скалу. Здесь сразу попадаю в пеструю яркую толпу ряженых. По сравнению

с шествиями Майнца и баварского фашинга, где участники построены в группы и порой даже шагают строем, роттвайльская процессия выглядит беспорядочно бредущими фигурами, заполняющими собой всю улицу. При этом зрителей почти нет. Я на Хауптштрассе, процессия движется мне навстречу со стороны Черных ворот, там, где она должна была начаться. По бокам улицы стоят несколько человек с детьми. Это позволяет мне находиться в самой толпе ряженных и хорошо их рассмотреть.

Самые многочисленные образы ряжения — **Gschell, Biss, Federhannes, Schantle** и **Fransenkleidle**. Именно они образуют основную массу шествия и издают характерный звук фаснета, позвякивая бубенцами.

Одежды роттвайльских ряженных необыкновенно сложные, действительно красивые и оригинальные, поэтому я потратила время, чтобы не только сфотографировать их с разных сторон, но и подробно описать.

Образы ряжения фаснета

Rottweiler Gschell (*диал.* звон бубенцов). На ряженом белые холщевые штаны и рубаха, расписанные масляными красками. Мотивы — типажи, сцены из народной жизни, цветы, листья плюща. Сверху надета короткая накидка с теми же мотивами, крупными портретами, типажами. На туловище крест-накрест надеты кожаные ремни во много рядов с крупными круглыми металлическими бубенцами. Основное их количество — на спине. В поле верхнего одеяния укреплены за один угол по три разноцветных платка. Головной убор сложный. Он состоит из маски (в Роттвайле маска называется *Larve* — «личина») из дерева. Насколько я знаю из телепередач, ее изготавливают вручную, вырезают, полируют, красят, лакируют. Стоят такие маски от 600 евро. Маска представляет собой гладкое без морщин румяное лицо человека с приветливым выражением, улыбающееся, без уродств или необычных деталей. К маске сзади крепится верхняя распашная накидка, закрывающая плечи и голову. Место крепления оформляется скрученным шнуром из конского волоса, бантов, лент, зеркальных ромбов на висках. Так же на висках

Рис. 1. Роттвайльский фаснет. Ряженный Gschell.
Февраль 2010 г. Фото автора

к этому шнуру крепятся длинные ленты-плакетки черно-желтого цвета, на них надпись “Narrensprung” и год. По количеству плакеток сразу видно, давно ли Narr участвует в процессиях фаснета. Эти плакетки, по всей видимости, не снимают и копят. Стоимость их составляет около 10 евро, что одновременно служит взносом за участие.

Поверх головного убора с личиной крепятся три лисьих хвоста (рис. 1). В руках Gschell несет корзину и полую палку, обмотанную веревкой. В этой палке находятся семена или камешки, они гремят при движениях и потрясывании. Палка обтянута кожей коричневого цвета. Ее называют Wurst (колбаса). В корзинке у ряженого сладости

и Клоpfа (маленькие бутылочки по 2 cl с крепким алкоголем, обычно шнапс или ликеры). Согласно исследователю роттвайльского фаснета профессору Вернеру Метцгеру, этот образ возник в XVII–XVIII вв. и имеет языческие мотивы в росписи костюмов (крестьянские типажы, а также нехристианские турки, как и сам масленичный шут, ассоциировались у горожан с язычниками) [Metzger 1984; 1996].

Rottweiler Biss (нем. оскал; укус) — мужской образ. Одежда его аналогична предыдущему женскому персонажу. Это белые штаны и широкая белая рубаха с цветной богатой росписью. Различия — в головном уборе и личине. На голове Biss тоже носит расписанную накидку, которая прикреплена к маске. Маска представляет собой мужское лицо с морщинами, искаженное оскалом, несколько насмешливое. Место крепления накидки к маске оформлено так же: полоса плетеных скрученных конских волос, банты из шелковой ленты и зеркальные ромбы. На макушке маленькая шапочка в форме стакана из бархата с серебристой или золотой тесьмой. Вертикально из шапочки торчит укрепленный пучок петушиных (?) перьев коричнево-рыжего цвета. Biss также несет в руках кожаный жезл, корзинку со сладостями, шкатулку в виде книги, ларца или известного строения-символа Роттвайля (например, старой ратуши или Черных ворот). Идет, подпрыгивая в такт маршу, и гремит бубенчиками (рис. 2).

Rottweiler Fransenkleidle (нем. костюм с бахромой) — женский образ. Его одежда состоит из штанов, широкого короткого рукавного одеяния, маски и покрывала. Основа штанов скроена из вельвета темно-красного или черного цвета. На нее нашиты полосы объемной бахромы из шерстяных нитей ярких цветов — красного, желтого, зеленого и синего. На разных костюмах цвета этих полос отличаются разной интенсивностью, видимо, это зависит от времени изготовления костюма и мастера. Между этими полосами бахромы тонкие белые полосы тесьмы. В области застежки за угол укреплены по три разноцветных (однотонных или пестрых) платка. Накидка на голову выглядит так же, как костюм, она прикреплена к маске сверху и сзади. Место крепления оформлено, как у вышеописанных образов, жгутом из конского волоса, лентами, бантами и зеркальными ромбами на висках. Сверху над макушкой на накидке укреплена маленькая треуголка из сукна, по краям — полосы шерстяной

Рис. 2. Роттвайльский фаснет. Ряженный Biss.
Февраль 2010 г. Фото автора

бахромы двух цветов, между ними — шелковые цветки из лент, а с углов треуголки свисают кисти тонких шелковых лент. На руках белые перчатки, в руках — обтянутый черной кожей жезл и корзинка со сладостями. Поверх яркого одеяния крест-накрест надеты кожаные ремни с бубенцами. Они меньшего размера, чем у Gschell и Biss, из блестящего металла (их количество достигает нескольких десятков) (рис. 3).

Рис. 3. Роттвайльский фаснет. Ряженный Fransenkleidle.
Февраль 2010 г. Фото автора

Rottweiler Federhannes (нем. Ганс в перьях²). Это мужской образ. Его одеяние составляют широкие штаны и белая рубашка (Nargenhemd), поверх — плащ-накидка. Рубашка обычная, современного кроя. Штаны на поясе оканчиваются широким черным ремнем с серебристой тесьмой. Штаны и накидка сшиты из вельвета темных цветов — красного, зеленого, черного или синего. На них часто

² Относительно имени персонажа следует сказать подробнее: в немецком языке Ганс означает не только распространенное имя, но иносказательно служит фамильным обозначением просто человека (жарг. рус. «чувак»), и более того — эвфемистичным обозначением черта. Этот факт давал основание исследователям отнести Federhannes к группе демонических персонажей и утверждать, что он является реликтом представлений дьявола в средневековых религиозных мистериях [Metzger 1996].

Рис. 4. Роттвайльский фаснет. Ряженный Federhannes.
Февраль 2010 г. Фото автора

нашиты единичные куриные перья с пухом белого цвета. Личина из дерева, лакированная, расписная, представляет собой мифологический персонаж с длинным кривым или горбатым носом, морщинами, оскалом и длинными, загнутыми, торчащими вверх клыками. Подбородок маски напоминает закрученный вензель, подобно архитектурному декору. В креплении накидки к маске также использован узор из конского волоса и лент. На макушке маленькая треуголка из черного сукна с шелковыми бантами, к ней прикреплены длинные жесткие белые перья, торчащие вверх. В руках у Federhannes длинная палка, выкрашенная в цвет костюма. На верхней ее оконечности укреплен хвост коровы или полоска коровьей шкуры с шерстью, а на нижнем конце — металлический набалдашник с острием. Шест шут использует для совершения характерного прыжка: разбегаясь, он опирается острием о землю и прыгает вверх, высоко задирая и широко разводя обе ноги (рис. 4). От этого прыжка и пошло название всей процессии — *Narrensprung*, прыжок шута. Эти шуты в ходе процессии подбегают к стоящим, протягивают свой жезл и щекочут

меховым концом щеки, шеи и головы зрителей. При этом громко издают возглас “Hu-hu-hu-hu!”. Полоски шкур сильно надушены парфюмерной водой.

Rottweiler Schantle (*диал.* мерзавец, гадкий малый³) — мужской образ. Одет в широкие штаны и длиннополый китель, цвет этого костюма варьируется: коричневый, бежевый, зеленый, синий. Он оформлен аппликациями и геометрическими фигурами, имеет сложную окантовку. Разновидностей аппликаций и окантовок множество, нет ни одного повторяющегося костюма. Самый частый мотив — гербы. Маска представляет собой длинноносое улыбающееся лицо старика. Головной убор — головная накидка, оформленная в стиле всего костюма. В месте крепления к маске — коса из конского волоса, банты, ленты. На макушке черная треуголка. Белые перчатки, из-под одеяния между застежками выпущены по три цветных платка. В руках корзинки, книги-шкатулки или шкатулки; у многих еще один атрибут — зонтик (который всегда вычурно оформлен, дамский, с кружевом или воланом, раскрыт над головой). Schantle ведут себя по большей части сдержанно (рис. 5).

Следующий образ — **Benner Rössle** (*нем.* жеребец) — групповой. Таких групп в процессии фаснета всего девять. Образ состоит из трех персон — одна изображает лошадь с всадником, две другие — укротителей с кнутами. Центральная фигура — конь с всадником — одета в сложный костюм и маску. Маска также деревянная, мужское полное лицо с нормальными чертами, но несколько удивленным выражением. Верхняя часть костюма — белая рубаха современного кроя (Nargenhemd), поверх плечевая накидка из толстого сукна, которая завязывается на шее. Она всегда однотонная — черная, коричневая или горчичная. По краям орнамент в виде цветных по-

³ Название происходит от первоначального содержания образа этого шута в роттвайльском фаснете. Шантле представлял собой малого с метлой, который вел себя вызывающе и унижал зрителей: закидывал их уличной грязью, выкрикивал непристойности и скабрзные шутки, олицетворяя неотесанного деревенщину. В первой половине XIX в. из-за многочисленных жалоб участие шотов Schantle в городских масленичных процессиях было запрещено городским советом. Это обстоятельство стало поводом к «реформе» образа Schantle в 1870 г. С того времени в роттвайльских процессиях участвует «благородный малый» со светскими манерами [URL: <http://www.narrweil.de>].

Рис. 5. Роттвайльский фаснет. Ряженный Schantle.
Февраль 2010 г. Фото автора

лос. Головной убор, подобный вышеописанным образам — накидка и маска, в месте крепления оформленная узором из конского волоса, лент и бантов; на макушке — треуголка с цветными бантами и торчащими вверх длинными белыми перьями. Низ фигуры — простые брюки в цвет одеяния и длинная конструкция в виде лошади. Голова лошади выполнена вполне натуралистично с применением конского волоса для гривы, а круп и туловище — схематично, из плоской закругленной и обтянутой кожей жесткой детали, с которой свисает ткань.

Конюхи-укротители — мужские персонажи. Они одеты так же, как всадник. Левой рукой они держат за уздечку (это длинная цвет-

ная веревка) коня с всадником, а правой — кнут. Действия этой группы — изображение укрощения коня. Конюхи лихо щелкают в воздухе кнутами, пытаются попасть по перьям на голове у всадника и разорвать их. В конце шествия перьев на головном уборе практически не остается. Всадник при этом поправляет свои перья и подпрыгивает, изображая скачки и метания коня. Эти ряженные ничем не одаривают публику, их функции — развлекать, устраивать представление (рис. 6).

Рис. 6. Роттвайльский фаснет. Ряженная группа Benner Rössle. Февраль 2010 г. Фото автора

Rottweiler Guller (*диал.* петух) — мужской образ. Как сообщили мне собеседники, в Роттвайле на сегодняшний день сохранился только один костюм этого типажа, и представлен он в процессии в единственном числе. Маска — улыбающееся морщинистое лицо с длинным загнутым носом, острым подбородком и бородавками, темно-коричневого цвета. Костюм сложный. Верхняя часть — белое одеяние с рукавами из белого сукна, головная накидка такая же, сзади в клинья вставлены зеленые шнуры, украшена цветными аппликациями — геометрические фигуры, банты, цветы из сукна.

По краю окантована красной шерстяной бахромой. На макушке — черная треуголка с разноцветными лентами. Низ ряженого — модель петуха, на котором сидит Narr. Весь корпус петуха обшит или обклеен куриными перьями рыжего, коричневого и белого цветов, хвост — богатый и пышный из черно-зеленых перьев. Голова — клюв, глаза, гребень — из папье-маше и красного сукна. Поверх корпуса петуха укреплены штанины с лампасами, создающие впечатление, что ряженный сидит верхом на петухе. Этот шут просто шагает в толпе с небольшой дистанцией от других ряженных и периодически останавливается, чтобы показать себя публике со всех сторон (рис. 7).

Рис. 7. Роттвайльский фаснет. Ряженный Guller.
Февраль 2010 г. Фото автора

В процессии участвуют и другие единичные образы, о которых мне известно из источников: *Nargenengel* (нем. шутовской ангел), *Bettelnarr* (побирающийся шут), *Ronnys Schantle* (мерзавец, названный по имени прототипа). Все они имели определенные функции и значение в истории фаснета. Но увидеть в толпе посчастливилось лишь один из этих единичных образов — это **Franz Amma's Brie-**

Рис. 8. Роттвайльский фаснет. Ряженный Briekegere.
Февраль 2010 г. Фото автора

kere (алем. плакальщик). Он одет, подобно Schantle, в сложный по отделке костюм, но его маска представляет собой плачущее лицо, вырезаны также текущие слезы, а в руках плакальщик держит сложенный белый носовой платок, периодически поднося его к глазам. Так он поворачивается к публике и замыкает последнюю процессию фаснета вечером во вторник (рис. 8).

Процессия *Nargensprung*: наблюдения, впечатления, рефлексия

В отличие от наблюдавшихся мной карнавальных шествий Рейнской области и баварских/франконских подобию, которые организованы группами в строй, роттвайльское шествие — настоящая людская река из тысяч масок и костюмов. Шествие начинается с выхода конных людей в костюмах армии времен имперского города XVI в., затем в той же униформе шагает строем музыкальное общество (*Musikverein Rottweil*) и еще один оркестр вслед за ним. Следующее

общество одето в черно-желтые костюмы арлекинов, это «шуты-семена», взрослые и дети. Черный и желтый доминируют в цветах фаснета. После оркестров по ширине дороги в ряд идут стражи из цехового общества шутов, одетые в длиннополые одежды с юбкой, они держат копья горизонтально, образуя преграду и не пропуская толпу ряженных к строю музыкантов. После них начинается река масок. Первым идет ряженный в маске и красно-белом одеянии с брюками и накидкой, несет табличку. Это *Narrenengel*, он открывает процессию шутов.

Ряженные идут, подпрыгивая и пританцовывая, и делают что хотят: понедельник и вторник перед постом — их время. *Federhannes* шалят и докучают девушкам. *Gschell*, *Biss* и *Fransenkneidle* подходят к зрителям — детям и взрослым, пританцовывая и характерно подпрыгивая то на правой, то на левой ноге поочередно по два раза, своим жезлом указывают на зрителя, помахивая в такт маршу. В руках они также держат большую книгу, обложка которой по диагонали расчерчена на два поля: одно — черное, другое — золотое. Цвета перекликаются с арлекинскими костюмами «шуты-семян». Эта книга называется *Narrenbuch* (шутовская книга), в ней в картинках изложены малые и большие события из локальной городской жизни, которые произошли за год. Некоторые только внешне выполнены как книги с символами и зданиями Роттвайля, а на самом деле оказываются шкатулками, в которых лежат конфеты или *Klopf-la*. Кроме книг, шут держит в руках шкатулки с тем же содержимым. Обращаясь к зрителям и прохожим таким образом, шут побуждает их пропеть речитативом один из стишков на местном диалекте, который известен всем роттвайльцам с детства:

Narro, kugelrund,
d' Stadtleut sind
alle wieder gsund!

Шут, ты круглый, как шар,
Жители города
Все снова здоровы!

Или:

Narro, siebe Sih
Siebe Sih sind Narro gsi!

У Шута семь сыновей.
Семь сыновей шуты (шбав.).

После этого шуты угощают сладостями: открывают шкатулку и дают выбрать из ее содержимого. Как только я оказалась в толпе шутов, ко мне пристали два *Federhannes*, щекотали щеки и шею своими коровьими шкурами, сняли с моей головы шапку, взлохматили волосы и кричали “U-hu-hu-hu-hu!”. Мы пошутили и разошлись. Я чувствовала себя не очень комфортно, мне больше хотелось сохранять («исследовательскую») дистанцию и просто наблюдать за действием, но поневоле я оказалась втянутой в участвующее наблюдение. В то же время в местной периодике и литературе по фаснету обычай установления контакта шутов с горожанами-зрителями и их ответной реакции удостаивался особого внимания. В частности, подчеркивался его эмоциональный аспект: зрители чувствуют себя польщенными вниманием и шутками ряженных, это подчеркивает их избранность, поскольку сам акт коммуникации служит одним из значимых механизмов символического вовлечения зрителя в круг своих, со-граждан Роттвайля, ценителей фаснета и, наоборот, исключения чужаков из этого сообщества. Адекватная реакция и коммуникации с шутами во время фаснета доказывают культурную компетенцию участника [Schicht 2003: 273].

В середине шествия на определенной дистанции от остальных ряженных вышагивает *Guller*, он периодически останавливается, попадая в поле зрения группы зрителей, поворачивается в разные стороны, показывает себя. Мимо меня шествие двигалось без пауз и остановок 30–35 минут плотным потоком. После толпы ряженных идут группы укротителей коня и всадники, они останавливаются в одном месте улицы и показывают зрителям сцены укрощения коня. Это целое представление, которое длилось примерно 15 минут. При этом укротители громко щелкали кнутами возле головы всадника, пытаясь сорвать перья с головного убора. Всадник с конем метался из стороны в сторону и подпрыгивали. После группы всадника и укротителей шагает еще один оркестр из соседнего городка *Dreiblingen* в желто-синих униформах и играет то же, что и остальные оркестры, — *Narrenmarsch*. Этот марш сегодня звучит со всех сторон, со всех концов шествия. Его мелодия легкая и быстро «привлекается». Я чувствую себя охваченной этим всеобщим настроением и тоже подпрыгиваю в такт маршу и подпрыгивающим рядом зрителям. Два оркестра шагают вместе с шествием — откры-

вая и замыкая его, еще два играют стационарно на деревянных подмостках на пути следования процессии в старом центре Роттвайля.

Путь шествия образует «восьмерку», перекрещиваясь в одном месте: от **Schwarzer Tor по Hauptstraße и поворачиваясь на Hohenbrückenstraße**, переходит через Hohe Brücke, уходит в новую часть города и где-то там рассеивается. Следующий выход шутов — в обратном направлении, от моста по Главной улице к церкви Prediger Kirche. Там они рассыпаются по улочкам, и организованная процессия прекращается.

Это было первое, утреннее, шествие. Поскольку было зимнее морозное утро и солнце еще не вышло из-за домов, вначале улицы находились в тени. За время утреннего шествия солнце поднялось, стало греть и создавать хорошее освещение для фотографий. Зрителей, повторюсь, было немного, даже в самой центральной точке они уместились в один ряд и стояли весьма рассеянно по всей длине Главной улицы. Были в основном местные завсегдатаи-роттвайльцы и жители соседних местечек. Это стало понятно по диалекту и по тому, что они все приветствовали друг друга и обменивались репликами.

Я оказалась рядом с женщиной и девочкой, очевидно, отцом и дочерью. Он пропустил меня в первый ряд, поняв, что я — зритель со стороны. Соседство с ними оказалось полезным, мужчина, сам того не подозревая, оказался информантом: он постоянно комментировал шествие или отдельные фигуры, рассказывал случаи из своего детства и факты из истории города и фаснета. (Позднее, читая исследование фаснета Й. Шихта, я узнала, что такое поведение служит демонстрацией своей культурно-территориальной принадлежности, своего роттвайльского происхождения, которое осознается как особенная ценность в связи с фаснетом.)

Итак, мой информант (имени его я не стала спрашивать), мужчина лет 45, уроженец Роттвайля, каждый год с детства он посещает Nartensprung и помнит все свои посещения. Сам никогда не участвовал в шествии, как и отец, только дед принимал участие в фаснете. Он изображал в середине XX в. Rössle, всадника с конем, «сидел в коне». При этом мой собеседник часто приветствует проходящих стражей в исторической униформе. Я спросила, откуда они знакомы, оказалось, это знакомые детства, некоторые — его одноклассники.

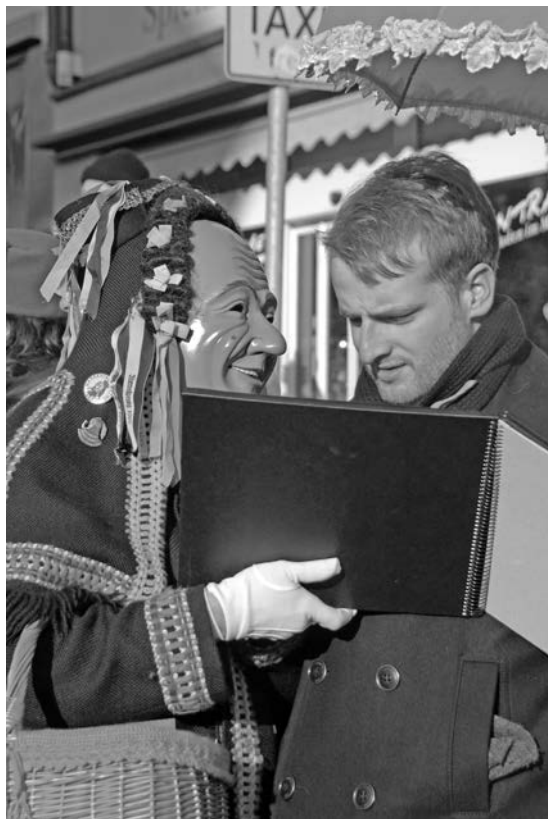

Рис. 9. Роттвайльский шут общается с жителем города.
Февраль 2010 г. Фото автора

В Роттвайле почти все знают друг друга — это тоже комментарий моего собеседника. Некоторые шуты в красочных костюмах подходили к нему, узнавая его из своих масок, обменивались приветствием, коротким разговором, шуты пританцовывали и звенели, прося девочку пропеть стишок (рис. 9).

Но больше пел отец, девочка либо не знает этого стишка, либо стесняется. Потом ряженые угощали леденцами дочку, бутылочкой — папу и открывали шкатулку и для меня, думая, вероятно, что я тоже отношусь к их семье. При этом мужчина говорил, что «это потому, что меня знают, думают, ты — моя подруга». Таким обра-

зом, и мне ни за что перепало шоколадок, леденцов, шампанского и грушевого шнапса — я ведь стишок не знала. Мне, честно говоря, очень импонировала манера угощения шутов, так сказать, «индивидуальный подход» — передо мной раскрыли шкатулку и дали время выбрать то, что хочется. Для сравнения: в рейнских городах, Майнце и Франкони, карнавалисты швыряют в толпу горсти сладостей и попкорна, иногда он приземляется в февральской грязи, и зрители набрасываются на эти дары как голодные, толкая и топча друг друга.

Мой собеседник вспоминает, что в его юности участников *Nargensprung* было намного больше. После прохода последних участников они отправляются домой, мы прощаемся. Он еще успевает сообщить, что не живет с семьей и переехал из Роттвайля в Драйслинген. Там тоже яркие шествия фаснета, и Филлинген тоже стоит посетить, и вообще, в Шварцвальде в каждом городе и деревне свои яркие и оригинальные шествия фаснета, и все — в понедельник и вторник. Еще он посоветовал дожждаться вечера, 18–19 часов, в гостштетте в старом городе будут разоблачать *Rössle*, это интересно и знаменует конец фаснета.

Процессия рассеивается на горе возле *Prediger Kirche*. По всему городку группами или поодиночке ходят ряженные *Narren*, с поднятыми масками, обнажив свои лица. Многие продолжают работать: пританцовывая и гремя бубенцами, они выслушивают стишки от детей и угощают их (рис. 10). Другие — *Federhannes* — прыгают очень высоко, третьи собираются с такими же товарищами и отправляются в кабаки поесть, согреться, выпить. Кабачки, рестораны, гостштетте, кафе и пекарни полны народом. У уличных стоек с сосисками и местным фастфудом стоят очереди. Продаются общенемецкие *Currywurst*, *Steakbrötchen*, но и специфическая здешняя уличная закуска — *Rotwurst* и *Lange Bratwurst*, *Schupfnudeln*, *Pommes*, *Glühwein*, *Kaffee*, холодные напитки. Со всех улиц доносятся звон и грохот бубенцов и бубенчиков и шелканье кнутов. Периодически по Главной улице проходит один из оркестров и исполняет марш шутов. Я в это время хожу по городу, хорошо, что он небольшой и представляет собой обозримое пространство, так что я за три часа смогла несколько раз обойти все улицы, основных из которых всего три. В городе есть два храма — протестантский и католический. В одном из залитых солнцем переулков возле кафе на улице

Рис. 10. В паузе между процессиями на улицах Роттвайля.
Февраль 2010 г. Фото автора

расположилась молодежь, они пьют шампанское, глювайн, курят. Один из них — ряженный Rössle (в конструкции-коне), но без маски, стоит за столиком, курит.

Дальше мой путь лежал к часовне св. Лаврентия, что расположена в живописном сквере возле крепостной стены. Здесь проходит граница старого Роттвайля и начинается обрыв к Некару. Здесь же, в сквере, стоит пороховая башня 1400 г. Солнце припекает, хотя и мороз. Я расположилась на скамейке, чтобы перекусить бутербродами и записать наблюдения в полевой дневник. На соседней скамейке перекусывают ряженные шуты в костюмах Federhannes и Fransenkleidle. Очень демократично. Мимо ходят гуляющие тури-

сты, они заметны по фотокамерам. Их немного, в основном немцы. Иностранных туристов не видно, кроме одной японской группы.

После перекуса упаковываю дневник и вещи обратно в рюкзак и отправляюсь в поисках наблюдений в новую часть города, в квартал, где расположены частные виллы и таунхаусы. Дорога не занимает много времени — в Роттвайле все близко, город маленький. Старая часть внутри крепостных стен расположена на естественном возвышении и отрезана от новых районов оврагами и ущельями Некара, так что со всех сторон въезд в старый город осуществляется через мосты. Все это время, что я прохаживаюсь по улицам и веду свои наблюдения, присутствует постоянный шумовой фон — отдаленные, а порой приближающиеся щелчки кнутов и звон бубенцов.

В начале второго в квартале особняков начинается оживление, из разных переулков парами и поодиночке стекаются шуты в своих костюмах, с поднятыми масками. Звон бубенцов становится интенсивнее — ряженые закончили обеденный перерыв и отдых и вновь стягиваются в город на очередное представление *Narrensprung*.

В 14 часов по Роттвайлю проходит вторая на сегодня процессия. Ее маршрут и программа та же, что утром. Но город выглядит совсем иначе: по обеим сторонам улиц стоят толпы зрителей во много рядов, закрывая друг другу обзор. Многие влезают на ограждения фонтана, парапеты мостов, высокие пандусы, но все равно места для свободного обзора, хороших кадров и общения с ряжеными нет. Вперед стараются вытолкать детей, чтобы они могли посмотреть и получить угощение. Сейчас уже, пожалуй, больше туристов, чем местного населения, довольно часто слышна русская речь. Это меня удивляет, поскольку в России о *Narrensprung* не знают. Значит, это либо случайность, либо действие входит в хорошо организованную профессионалами турпрограмму как особый event. Ощущения от двухчасового шествия тоже совсем иные. Если утреннее шествие было камерным, каким-то домашним и доступным, то нынешнее характеризуется помпезностью, большей анонимностью и безличностью как участников, так и зрителей, массовостью. Хорошо чувствуется результат коммерциализации раскрученного бренда. Я очень рада, что пережила утреннее шествие. В нем было место и время для короткого разговора, а это уже говорит о включенности наблюдения и некотором «пропуске» в сообщество. Не случайно рот-

твайльцы воспринимают внимание шутов (требование рассказать стих, поглаживание коровьим хвостом Federhannes) как оказанную честь. Даже возможность выбрать сладость из шкатулки ряженого создает ощущение эксклюзивности, «индивидуального подхода» в противоположность карнавалу западных городов и франконскому фашингу, где карнавалисты безлично разбрасывают угощение в толпу, а зрители, толкая друг друга, вытаскивают леденцы и попкорн из уличной грязи. Дневное шествие своей массовостью походило на карнавалы.

В 15.30 Narrensprung заканчивается, и участники вновь рассеиваются по городу. Уже холодает, солнце низко и уже не освещает улицы. До поезда остается три часа, это очень много, учитывая, что весь город я уже обошла. Я еще раз отправляюсь по кривым улицам с оригинальными цветными домами. Картина представляется интересная: во всех кафе, ресторанах, гостштетте и заведениях фастфуда много народа, или они уже зарезервированы на вечер. Основная масса посетителей — хозяева праздника — шуты в своих костюмах или жители города, иногда место достается туристам. Я долго ис-

Рис. 11. Роттвайль. Роспись стен в зале ожидания на железнодорожном вокзале. Февраль 2010 г. Фото автора

кала свободное место в любом кабачке, и, зайдя в итальянский ресторанчик, заняла стол с условием освободить его к 18 часам (здесь тоже забронировано на вечер).

Проходя еще раз теми же улицами, что днем, я обращаю внимание на витрины: в магазинах, бутиках, кондитерских, салонах оптики, канцелярских лавках, турбюро витрины оформлены с использованием образов роттвайльских шутов в их традиционных нарядах и масках. Либо это куклы небольших размеров, либо маски, либо фотографии и постеры с изображением ряженных. Они в выпечке и марципанах, фигурках, открытках, магнитах, плакатах. Наглядная иллюстрация того, что город живет за счет фаснета. Еще одна встреча с символом Роттвайля произошла на вокзале. Здесь в зале ожидания на стенах над камерами хранения красуется роспись-фреска, изображающая тех же роттвайльских шутов в их костюмах и масках (рис. 11).

Вместо заключения

При повторном прочтении своих записей 2010 г. и их рефлексии сегодня мне бросается в глаза эмоциональная сторона моих наблюдений и акцент на субъективном восприятии, впечатлениях как от города и его жителей, так и о самом празднике. Любопытно, что эмоциональная составляющая роттвайльского фаснета фигурирует в специальных исследованиях праздника и его роли в конституировании локальной идентичности. Правда, речь в данном случае идет о совсем иной стороне эмоциональности и субъективности, а именно о субъективности «изнутри», связанной с мотивом слез, умиления и растроганности от ощущения своей принадлежности к достоянию коллективной памяти: «Топос слез, по всей вероятности можно связать с ностальгией по утраченному детству. Фаснет как ежегодно повторяющееся яркое событие образует медиум, с помощью которого вызывается воспоминание о времени взросления. Чувства такого рода могут поэтому возникнуть только у “истинных” роттвайльцев» [Schicht 2003: 273]. Не случайно мой утренний собеседник в разговоре все время апеллировал к воспоминаниям детства и подчеркивал свое личное знакомство с шутами, включая таким

образом себя в круг хозяев праздника и исключая из этого круга непосвященного гостя.

Но другой мотив, который мне приходилось подмечать в своих записях и впечатлениях, оказался сходным с описанным в литературе — это ощущение уюта и душевности, особой домашней атмосферы, которая поразила в утреннем (немассовом) шествии. Йохен Шихт также упоминает понятие “*Gemütlichkeit*” в связи с роттвайльским фаснетом как символом родины [Ibid.: 186–188]. Это немецкое понятие является ключевым для национальной идеи, не только для локального самосознания, и связано со становлением буржуазного (прежде всего городского) общества и института семьи как главной его ценности. В нем заключены такие характеристики, как гармоничность, близость и замкнутость по отношению к внешнему миру. Для перевода немецкой лексемы на русский язык нет однозначно подходящего слова из-за глубокой смысловой нагрузки понятия “*Gemütlichkeit*”. «Уют» и «душевность» — две стороны *Gemütlichkeit*, касающиеся окружения и внутреннего мира человека, именно эти ассоциации с домом возникли и у меня в момент наблюдений и записи, и они же описаны в художественных произведениях и газетных репортажах о роттвайльском фаснете [Ibid.: 186, 205]. Это наводит на мысль о хорошо подготовленной инсценировке уютной и домашней атмосферы праздника организаторами и авторами идеи.

Источник

Бучатская Ю.В. Карнавальная обрядность Германии: франконский фашинг, рейнский карнавал, шварцвальдский фаснет. (Д. Штайнфельд, д. Оберхайд, д. Меммельсдорф, г. Майнц, г. Роттвайль). 6–28 февраля 2010 г. Полевой дневник. Принтерный вывод // АМАЭ. К-1. Оп. 2. № 1964.

Библиография

Metzger Werner. Narretei und Tradition. Die Rottweiler Fasnet. Stuttgart, 1984.

Metzger Werner. Fasnet in Rottweil. Geschichte und Gegenwart eines Brauchs. Stuttgart, 1996.

Schicht Jochen. Die Rottweiler Fasnet als “heimatliches” Symbol. Zum Einfluß städtischer Festkultur auf lokale Identität // *Veröffentlichungen des Stadtarchivs Rottweil*. Rottweil, 2003. Bd. 22.

Интернет-ресурсы

<http://www.narrweil.de>

<http://yandex.ru/images/search?text=роттвайль>